

ЯРОСЛАВ АЛЕКСАНДРОВ

ВОЛНА БЕЗУМИЯ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Ярослав Александров

Волна безумия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51374664

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07446-0

Аннотация

Московскому журналисту в руки попадают документы, за которыми тянется цепочка странных смертей. Пытаясь в них разобраться, он оказывается втянут в крупный заговор, который тянется в городе в течение нескольких лет. Начав собственное расследование, чтобы выявить заговорщиков, их цели и методы, журналист обнаруживает, что на город надвигается нечто ужасное, а планы заговора поистине бесчеловечны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Произведение является плодом фантазии автора. Любые сходства с реальными людьми, местами или событиями случайны. Своим произведением автор не хочет никого оскорбить и не призывает к совершению противозаконных действий. Мнения героев книги могут не совпадать с мнением автора.

Пролог

Мужчина бежал через дворы, не разбирая дороги. Хотя, бежал – это сильно сказано. Уже не молодой, склонный к полноте, спортом он никогда не увлекался. Пот скапливался на лбу, стекал на лицо, и мужчине приходилось постоянно его смахивать. Бежать было тяжело, он задыхался, и ни прохладный осенний воздух, ни морозящий противный дождь, нисколько не освежали. Наоборот, казалось, нужно прикладывать еще больше усилий, чтобы сделать очередной вдох.

Мужчину гнал вперед страх, даже ужас. Он до сих пор не мог осознать, чему совсем недавно стал свидетелем. Всю жизнь, посвятив науке, он привык смотреть на вещи здраво, всему искать рациональное объяснение. В спорах о неразгаданных тайнах природы и человечества он всегда говорил, что наука до этого еще не доросла. «Когда-нибудь и эту тайну раскусят. Может быть, даже при нас. Открываешь какую-нибудь статью, а там...».

Для него мир был прост, а все сложности выдумывали люди. Но, тем не менее, мир нужно было изучать. С начала истории людей, они изучили его настолько, чтобы можно было выжить. С развитием цивилизации они изучали для того, чтобы существовать было удобнее и проще. И, конечно, они досконально изучили, как можно уничтожить друг друга, и продолжают это делать. Но наука должна быть другом, а не

средством достижения мирового господства. Он надеялся, что люди когда-нибудь это поймут. Раньше надеялся.

То и дело, сбиваясь на шаг, мужчина часто оглядывался, переводил дух и снова устремлялся вперед. За ним никто не гнался. Пока не гнался. Мужчина не помнил, когда он свернул во дворы, и где именно это сделал. Он бежал уже достаточно давно, постоянно петляя, ныряя в арки домов, сворачивая на тропинки в кустах, росших во дворах. Один раз даже пролез в дыру в заборе какой-то школы, умудрившись оставить на нем пару пуговиц и кусок воротника своего пальто. У мужчины не было определенного направления. Он старался оставить между собой и возможными преследователями как можно большее расстояние, и часто сворачивал, чтобы не оказаться в прямой их видимости. Он уже понял, что заблудился среди этих высоток и хотел поскорее выбраться на оживленную улицу.

Большинство прохожих шло по своим делам. Почти никто не обращал на беглеца никакого внимания. Редко кто провожал его удивленным взглядом, но отворачивался, и почти сразу забывал об увиденном. Мужчина не взывал к ним о помощи, и не старался предупредить об опасности. Он знал, что не многие поймут его, а даже если поймут – не поверят. Он бы сам не поверил. Да он, наверно, до сих пор и не верил до конца.

Мужчина понял, что силы его закончились, и если продолжать бежать, то можно рухнуть без сознания. Он перешел

на шаг, прошел несколько метров и остановился отдышаться, подставив лицо дождю. Казалось, падающие капли с шипением испаряются с поверхности кожи, как с раскаленного в пустыне камня.

Опомнившись, мужчина резко обернулся. И никого за собой не увидел. Лишь молодая девушка, прячась от непогоды под зонтиком, и зябко кутаясь в полупальто, быстро шла в противоположном направлении. Беглец постоял еще немного, осматриваясь, а когда шум в ушах, наконец, стих, услышал звук потока машин. Он слышался из находящейся неподалеку арки в стене дома. Мужчина оглянулся еще раз. Девушка ушла уже достаточно далеко, а из-за угла дома, откуда он выбежал несколько минут назад, показались четыре подростка. У одного в руках был потертый мяч. Шумно переговариваясь, они направились к виднеющейся среди деревьев спортивной площадке. Видимо, дождь был им нипочем.

Мужчина еще раз глубоко вздохнул и пошел в сторону арки. Паническая атака потихоньку отступала. Нужно было определиться, как действовать дальше. Он не знал, правильно ли поступил, забрав всю информацию. Тогда это казалось хорошей идеей. А сейчас?.. Как поступить с документами? Куда податься? В полицию, прокуратуру? Или сразу в ФСБ? Никуда нельзя! У них везде связи. Домой возвращаться тоже никак. Надо все решать сейчас, времени подумать почти нет.

Он вышел на проспект, сориентировался, выбрал направление и быстро зашагал, чувствуя, как хлюпает в туфлях во-

да. Начала бить дрожь. Мужчина начал мерзнуть и ускорил шаг. Мысли в голове путались, а при воспоминании об увиденном снова начала подступать паника. Нет, ничего само по себе не образуется. Если он сейчас не попробует что-нибудь предпринять, может произойти непоправимое, а о возможных последствиях лучше даже не задумываться.

Мужчина не считал себя ни трусом, ни героем. Но он вырос и был воспитан в стране, которая гордилась своими героями, их примеры всегда стояли перед глазами. И, не будучи смельчаком, мужчина надеялся, что сможет поступить так же, если придет время. Ему еще не случалось делать выбор, от которого зависела его жизнь или жизнь близких людей. Его существование было спокойным и размеренным. Он не гнался за подвигами, деньгами, славой или властью. С самого детства мечтал стать ученым, как отец. Примерный ученик, а затем студент, вскоре он добился своего. Наука, статьи в научных журналах, уважение коллег, взвешенные и продуманные планы на будущее. Но жизнь внесла свои коррективы, и сейчас он шел в толпе ничего не подозревающих людей, размышляя о том, как предотвратить надвигающуюся на весь город катастрофу.

Глава 1

Земцов проснулся поздно. Разлепив тяжелые веки, он посмотрел на настенные часы, но вспомнив, что три дня назад в них села батарейка, выругался на свое раздолбайство, сел на кровати. Командирские именные, подаренные на тридцатилетие, оказались на руке. Причем на правой. Подивившись, он узнал время и снова рухнул лицом в подушку. Торопиться было некуда. До заветного часа оставалось еще больше трех часов. Строящийся торговый центр через дорогу пестрил разнообразием разных звуков, от лязга металла и визга болгарок до рева мощных двигателей и совсем уж непонятного грохота камней. Как будто рабочие маниакально рушили только что возведенные конструкции и начинали все заново, чтобы потом вновь разрушить. И хорошо, что до восьмого этажа долетали не все звуки, соседям, живущим ниже, оставалось только посочувствовать. Именно эта стройка и привила Земцову привычку спать в берушах, которых в данный момент не было. Как не было и желания их искать. Поэтому он лежал и мужественно страдал от похмелья и доносящегося с улицы шума.

Отойдя от сна и начав более-менее связно мыслить, Земцов встал и, растирая лицо ладонями, прошел в ванну. Там он долго рассматривал взлохмаченное существо в зеркале. «Я тебя не знаю, но я тебя побрею» – вспомнился старый

анекдот. Странно, два дня в отпуске, а уже перестал быть похожим на человека.

Встав под душ, он долго чередовал холодную и горячую воду, потом на самом деле побрился, почистил зубы и, накинув халат, побрел обследовать квартиру. Первым делом заглянул в холодильник. Так и есть, пива не осталось. Ничего другого и не ожидал. Когда в гости заглядывает Муромец, можешь опохмелку куда угодно прятать. Бесполезно. Пока весь алкоголь в ближайшем радиусе не закончится, он не успокоится.

Кстати о Муромце. Земцов прошел в прихожую, запнулся о шеренгу бутылок, стоящих почему-то здесь. Наверно, гость хотел вынести при отбытии домой, но, разумеется, забыл. Взяв трубку радиотелефона, он набрал домашний номер приятеля. Считая длинные тягучие гудки, Земцов окинул взглядом обувь в прихожей. Все нормально, в этот раз Санек ушел в своих кроссовках. Прождав гудков тридцать, Земцов заволновался. Значит он не дома. Тогда где? Стараясь усмирить свои плохие предчувствия, Земцов набрал номер мобильного. После двух гудков трубку сняли.

– Да.

– Саня, ты куда пропал?

– В смысле, «куда пропал»? Я, в отличие от некоторых бездельников, работаю!

– Смотри, не уработайся там.

– Ты мне поговори еще! Хотел чего? – последний вопрос

был задан уже нормальным тоном. – А то я немного занят.

– Хотел спросить, как добрался.

– Нормально добрался, без приключений. У тебя на сегодня запланировано? Я не путаю.

– Ага.

– Ну, удачно отстреляться. Не опозорь контору!

– Контора сама справляется. Пока.

Повесив трубку, Земцов хмыкнул. Сашка вчера весь вечер собирался взять на сегодня отгул, отлежаться. Но, видимо, работяга внутри него все же победил. Хотя, чего ему отлеживаться. У Муромца было уникальное качество – не страдать похмельем. Еще вчера они уговорили бутылку коллекционного армянского коньяка, принесенного Саней, затем долго и вульгарно пили водку. А потом, оказывается, Муромец еще и полирнул все это земцовским пивом. Оставив последнего страдать с утра. Настоящий друг! Во сколько он ушел, страдалец не помнил, хотя и не помнил перед этим разграбления своего холодильника. Скорее всего, уже ночью. Муромец никогда не оставался ночевать, как ни предлагай. Его железным правилом было – всегда спать дома. Помотавшись по командировкам, и ночуя иной раз и на голой земле, больше всего он ценил дом, уют и собственную кровать.

Но и у железного правила были исключения. Так, однажды, собиравшемуся по делам Земцову позвонила в дверь соседка и попросила разбудить и выставить из подъезда «какого-то алкаша». После продуктивного возлияния в компа-

нии приятеля, бедному Земцову и из дома-то выходить не хотелось, и тем более разбираться с всякими забулдыгами. Но соседка, пожилая, но крепкая и боевая тетка, была очень настойчива. Пылая праведным гневом, она семенила рядом с Земцовым, пока он спускался ниже. Каково же было его удивление, когда тремя пролетами ниже на площадке между этажами, обнаружился мирно спящий Муромец. Почему он не спустился на лифте, а решил преодолеть восемь этажей пешком, было не ясно. Красный от стыда и злости, Земцов чуть ли не пинками разбудил товарища, и, выволочив его на улицу, в грубой форме попросил в следующий раз доползти хотя бы до автобусной остановки. Мотивировал это тем, что в вытрезвителе друг выпится гораздо лучше, чем в подъезде, и вдобавок, не будет позорить хозяина гостеприимной квартиры перед соседями. Муромец, как всегда, уже трезвый дал слово, и с тех пор ни разу еще его не нарушил. Соседка же, с началом экзекуции ретировавшись, с тех пор поглядывала на Земцова, как на клиента Кашенко. Причем буйного.

Бросив в стакан с водой две таблетки обезболивающего, Земцов принялся варить кофе. Есть не хотелось, и нужно было взбодриться, чтобы не ударить чуть позже лицом в грязь. Залив в себя лекарство, он налил в чашку обжигающее темное варево и уселся на табуретку. Организм постепенно оживал, тяжесть в голове проходила. Честно говоря, у Земцова тоже никогда не было сильного похмелья, и картинно страдал он только ради показухи. Хотя до Сани ему было далеко.

Тот и после часа сна просыпался как огурец. Кому сказать? Трезвый огурец с перегаром.

Зазвонил мобильник. Терять возможность его найти, не звоня с домашнего, было нельзя, и Земцов сорвался со стула. Судя по мелодии, звонила мама. Долго слушать гудки она не будет, поэтому надо торопиться. Телефон обнаружился в коробке от пневматического пистолета в кладовке. Доставая его, Земцов смутно вспомнил, как хвастался вчера перед Сашей новой игрушкой. Пистолет лежал тут же на полке. Не заряженный. Ух, хорошо, что хватило мозгов вчера не практиковаться в стрельбе. Еще раз, поразившись тому, каким бывает по пьянке идиотом, Земцов провел пальцем по экрану, подтверждая соединение. Успел.

– Але, Максимушка. Здравствуй, сынок.

– Здравствуй, мама, – он вдруг почувствовал страшный стыд, поняв, как давно не общался с родителями.

Маму интересовало все. Как дела, как здоровье, работа? Узнав, что он вышел в отпуск, она обрадовалась.

– Максим, может быть, приедешь к нам. Погостишь, отдохнешь. Отец сейчас новую баню достраивает. Осень уже, конечно, холодает. Но мы так давно не виделись. Хоть на несколько денечков.

– Мам, сейчас дел накопилось немного. Недели через полторы-две приеду, как со всем разберусь. Сразу на месяц к вам выберусь.

Поговорив еще минут десять, они попрощались. Земцов

с тяжелым сердцем убрал телефон в карман куртки. Долбаная суета, крутишься, как белка в колесе, а про самые важные вещи на свете забываешь. Стараясь отогнать грустные мысли, Земцов помыл всю посуду, выбросил банку из-под шпрот, доверху забитую окурками, в мусорное ведро. Муромец вчера дымил, как паровоз. Хрен его даже литр никотина свалит, коня педального. Хорошо, перед его приходом все форточки открыл.

Закончив нехитрую уборку в квартире, Максим поменял батарейку в часах и подвел их. После чего начал собираться. Сложив все необходимые документы в небольшую кожаную папку, он оделся, проверил, все ли собрал и, по старой привычке подпрыгнул. Ключи и мелочь в карманах, естественно, зазвенели. Земцов хмыкнул и собрался уже было выходить, когда вспомнил об одной детали. Скинув кроссовки, прошел в комнату и достал из комода чистый синий платок и сунул его в карман. Спустившись вниз и закинув в контейнер мешок с мусором, он пошел к выходу из двора. На небольшой стоянке недалеко от подъезда стоял «Субарик» Максима, верный друг и соратник. Но Земцов решил сегодня пройтись. Он любил гулять пешком и кататься на метро, и Форестер иногда оставался на стоянке и провожал хозяина серьезным взглядом фар.

Глава 2

Проехав одну остановку на метро и, прогулявшись еще минут пятнадцать, Земцов подошел к нужному месту за пять минут до назначенного времени. Огляделся по сторонам. После чего уселся на лавочку и стал ждать. По дороге он думал, не купить ли, все-таки, пива. Но, решив, что злее будет, отказался от этой мысли. И сейчас он сидел, вслушиваясь в шум ветерка в стремительно желтеющих листьях на деревьях, который остужал его, все еще, гудящую голову. Он знал, что та, которую он сейчас ждет, непременно опоздает.

Минут через двадцать у бордюра остановилась фиолетовая «Ауди Q7». Сквозь нетонированные спереди окна Максим увидел, как в салоне пассажирка быстро чмокнула водителя в щеку и выбралась из машины. Это оказалась Светлана. Заметив Земцова, зазноба направилась к нему. Водитель тоже вышел из машины и посмотрел на него. Максим уловил его неприязненный и, в то же время, настороженный, даже, опасливый взгляд.

«Хотелось бы знать, что эта курица ему про меня наплела», – с нарастающим раздражением подумал Земцов. – «Кем вообще нужно быть, чтобы притащить на бракоразводный процесс своего нового ... бойфренда? Мда, оказывается, нужно быть Светкой».

А она даже походку изменила. Вышагивает, как биз-

нес-леди. Он поднялся ей навстречу. Заметил, как ее новый хахаль отвел взгляд. Да он еще мальчишка, и двадцати пяти еще нет, наверно. Ха, ферзь недоделанный!

– Здравствуй, Максим, – демонстративно официально и сухо поздоровалась она.

Игра началась!

– Привет, любимая, – широко улыбнулся Земцов, не делая, впрочем, попыток обнять или поцеловать вторую половину.

– Ты не мог хотя бы сюда прийти трезвым. Еще день вообще-то, – ее губы презрительно скривились.

«Истину глаголешь, я же постоянно был в дрова!»

Максим знал, что по запаху его не поймать. Зубная паста, кофе, мятные леденцы, плюс новый одеколон, купленный уже после ее ухода. С этой стороны он был прикрыт.

– Я как стекло! А ты не боишься оставлять своего «Властелина колец» одного, без присмотра на улице. Или его маму вы тоже с собой взяли? – Он взглядом показал на задние, тонированные стекла машины.

Светка вспыхнула, зарумянилась. Глаза за стеклами модных темных очков сверкнули нехорошим блеском. Но благо-разумно промолчала. Поняла, что, прокомментировав, она подтвердит, что охмурила богатого «сынка».

«Ты всегда умел ударить в больное место» – вспомнил Максим одну из ее любимых фраз.

Он так делал, когда ему ничего другого не оставалось. По-

том, конечно, извинялся. Но извинений она, разумеется, не помнила. Пока счет 2:1 в мою пользу. Едем дальше.

– Ну что, пойдём, – предложил он.

Она сжала губы и кивнула. Опа! 3:1. Наверняка, хотела предложить первая, чтобы показать, как она хочет поскорее от него отвязаться. Он опередил и, получается, хочет с ней общаться еще меньше.

Подойдя к дверям, он распахнул, пропуская ее вперед, и оглянулся на своего сменщика. Парень стоял, облокотившись на машину, и, приняв самую крутую позу, какую только видел в кино. Взгляд, впрочем, снова отвел.

«А ведь он меня боится!» – с удивлением подумал Максим, заходя следом за будущей бывшей женой.

Они зашли в просторный холл, и почти сразу к ним подошла работница загса.

– Здравствуйте, это я вам сейчас звонила, – сразу же начала Светлана. – Мы от Константина Дмитриевича.

Она протянула свою часть документов и посмотрела на Земцова. Тот, не поведя и бровью, отдал свои бумаги, и когда за работницей закрылась дверь конторы, присел на кожаный диван у стены. Зазноба, демонстративно не глядя на него, подошла к окну и застыла в эффектной позе. Как будто проверяла, не украли там ее нового спутника жизни.

Максим исподтишка рассмотрел ее получше. Строгий деловой костюм, поверх него бежевый осенний плащ, явно не из дешевых, обесцвеченные волосы, да еще и каре. А ведь

у нее был красивый каштановый цвет. Довершали картину глупости и безвкусицы вызывающий макияж и огромные, в пол-лица, дымчатые очки. В пасмурную погоду они казались просто клоунскими. Света сильно изменилась, и не в лучшую сторону. Стала похожа на размалеванную куклу. От той, прежней, веселой официантки, с которой он познакомился в командировке, остался, кажется только голос. Совершенно другой, чужой и холодный человек стоял сейчас у окна и всматривался в серость улицы.

Максиму внезапно стало тоскливо. Он провел ладонью по лицу, стирая грусть, мысленно встряхнулся. Молодой был, неопытный. Рога у него, как оказалось, выросли в первую же командировку. А после третьей он и вовсе вернулся в пустую квартиру. Кое-как разыскав жену, Максим выслушал о себе такое, о чем, и помыслить не мог, по большей части, конечно, высосанное из пальца.

Своего принца Светлана искала больше года, а найдя, тянуть с разводом не стала. Благодаря связям будущего свекра, их сейчас разводили без очереди, ожидания и пошлости. При этом зазноба не забыла указать Максиму на свое благородство. Она ведь не отсудила у него половину имущества. Поразительно! Мягкая и пушистая принцесса в глазах нового кавалера оказалась еще и не меркантильной. В общем, всем было хорошо, и только Земцов чувствовал себя оплеванным. Первое время. Относясь к этому философски, он простил Свету, себе всю ситуацию записал в бесценный опыт. Но поз-

волил себе позлить ее напоследок.

Наконец, регистраторша вернулась из конторки и отдала документы. Светлана забрала свой экземпляр свидетельства, попрощалась с ней и, мельком взглянув на Земцова, вышла. Он аккуратно убрал документы в папку и не спеша вышел следом.

На улице начался дождь, несильный, частый и неприятный. Порывы ветра швыряли мелкие капли, казалось со всех сторон. «Властелин колец» спрятался от непогоды в машину и курил с независимым видом, приоткрыв окно. На крыльце стояла уже бывшая жена и тоже чиркала зажигалкой, пытаясь закурить. Максим еле заметно поморщился. Он запрещал ей курить в свое время. А сейчас получалось, что новому ухажеру еще и плевать на ее здоровье. Ладно, это уже не его дело. Зазноба, наконец, затаившись, что-то буркнула ему на прощанье и пошла к машине. Земцов подошел к обочине и помахал вслед влившемуся в поток автомобилю платком, взятым дома. Он знал, что Светка будет смотреть в заднее зеркало и увидит.

*И ранней порой мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой...*

Глава 3

Максим сидел за столиком в небольшом кафе и смотрел в окно. Дождь лил, не переставая уже несколько часов. Он, то усиливался, то почти иссякал, но снова находил ресурсы воды и продолжался. Идти домой не хотелось. Земцов вздохнул, отпил кофе и достал казенный бланк свидетельства. Первым делом после загса он купил для него строгую рамку, решив повесить над рабочим столом дома. Так сказать, чтобы помнить об ошибках молодости.

Он вспомнил взгляд Светкиного нового жениха. Смесь любопытства, брезгливости и страха. Наверно, она наплела про Максима с три короба, а наивный пацан все принял за чистую монету. Он еще не знает, что в ее случае все услышанное надо делить на три, а то и на четыре. А что сама Света знала о Максиме? Что журналист, служил, а затем работал военкором в Чечне. В общих чертах. И все. Она никогда ни во что не вникала. Единственными ее интересами были тусовки в клубах и новые шмотки.

Максим хмыкнул. Первое время она страшно боялась, когда он подсакивал ночью в холодном поту или сваливался с кровати и откатывался к стене комнаты. А когда открывал глаза и убеждался, что граната не залетела в комнату, видел ее сонное, злое и безразличное лицо. «Мда, как часто мы начинаем анализировать по прошествии большого времени,

когда что-то вернуть, или восстановить уже не получится», – думал Земцов.

От лирических мыслей его отвлек новый посетитель кафе. Это был мужчина, среднего роста, в темном длинном пальто, на котором Максим заметил, не хватало пуговиц. Он вошел быстрыми, резкими, отрывистыми движениями, как будто первый раз в жизни куда-то торопился. Одну руку он держал под плащом и что-то держал в ней. Максим напрягся и быстро оглядел небольшой зал. Народу хватало, так что вытаски мужчина пистолет, паника поднимется нешуточная. Он уже прикидывал, как половчее метнуть стул, если начнется свистопляска, когда незнакомец снял плащ. На его плече, вместо кобуры, висела небольшая барсетка. Она удивительно не вязалась с обликом нового посетителя. Земцов не слышал, чтобы кто-то когда-то носил ствол в барсетке – неудобно. Да и мужчина не предпринимал никаких агрессивных действий. Он подошел к стойке и что-то сказал бармену. Тот кивнул и поставил перед мужчиной стакан, который наполнил водкой. Мужчина залпом опрокинул его, кивнул бармену на стакан, мол, давай еще, и скрылся в маленьком коридорчике, ведущем в туалет. Не было его достаточно долго, а когда он вернулся, Земцов обратил внимание, что края штанов серых брюк и строгие туфли мужчины полностью сырые. Такое ощущение, что тот по дороге сюда перемерил все лужи на глубину. Плащ мужчина держал в руках. Он взял стакан со стойки, оглядел зал и занял столик возле Максима. Когда

он сел и положил руки на стол, Земцов обратил внимание, как сильно они дрожат. Мужчина был явно чем-то встревожен. Он вертел, пока еще полный стакан в руках, словно, не решаясь из него пить. В полумраке кафе было не видно, но Максиму казалось, что незнакомец шевелит губами, произнося какой-то монолог или повторяя одну фразу. Вдруг он отставил стакан и застыл. Как-то очень уж резко ушел с себя. «Тяжелый день у человека», – подумал Земцов и повернулся к окну. Поток машин проносился мимо, серый пейзаж, подсвеченный огнями рекламы, навевал уныние. Максим решил завтра же купить билет и свалить из Москвы на ближайшем поезде. Пожалуй, даже, он не поскупится и выкупит все купе. Ехать до деревни родителей не долго, и переезд с относительным комфортом не должен влететь в копеечку.

Он уже собрался встать из-за стола, когда незнакомец встрепенулся и, отпив из стакана, закашлялся. За эту пару минут он, казалось, постарел на несколько лет. Максиму стало его жалко.

– Простите, вам нехорошо? Я могу помочь? – обратился он к незнакомцу.

Тот вздрогнул и, схватившись рукой за барсетку, посмотрел на Земцова. Взгляд у него был странный, а в полумраке еще и пугающий.

– Ничего уже не сделать, – сказал он, словно самому себе, глядя сквозь Максима.

Затем резко встал, подхватил плащ и снова направился

к туалету. Пока Земцов размышлял над странной фразой, мужчина появился снова. Он был уже в плаще. Подойдя к стойке, незнакомец сунул руку во внутренний карман и достал бумажник. Огромный, потертый и старомодный. Странно, как он не выпирал из-под пиджака. Бросив на стойку пару купюр, мужчина почти бегом выскочил на улицу.

Максим посидел еще немного, переваривая увиденное. Каких только психов иной раз ни встретишь. Ну да ладно, скоро он отдохнет от этого шумного, пыльного и тесного мегаполиса. Земцов расплатился и вышел на улицу, глубоко вздохнул. Даже воздух показался свежее.

Мысленно он уже выходил из поезда на небольшой станции маленького провинциального городка. Поезд прибывал туда рано утром и до открытия автовокзала нужно где-то шарахаться полтора часа. Но это никогда не было проблемой. Раньше этот городок был тих, спокоен и как будто отрезан от жизни. По атмосфере там был даже не СССР, а дореволюционная Россия. Чистые нарядные деревянные дома, утопающие в глубине уютных небольших садов. Редкие двухэтажные здания каких-то учреждений, в основном, в центре. Старые, заросшие, иногда заброшенные амбары, на кирпичах которых еще четко видны клейма промышленников. Маленькие осколки некогда великой империи. Разумеется, рынок, торгующий всякой всячиной.

А сколько зелени! Гигантские ивы, клены, дубы вымахали втрое выше самого высокого здания и тягнутся разве что со

шпилем вокзала. Огромный парк, по сути тот же лес, только огороженный полуразвалившимся от старости забором. Городок, казалось одинаково спокойно перенес и суетливую перестройку, и лихолетье девяностых.

В последние годы цивилизация добралась и до этого «заповедника». Пovyрастали яркие супермаркеты, сразу за вокзалом открылся стриптиз-бар. Это при населении в несколько тысяч человек. Автовокзал отремонтировали, рынок открывался два раза в неделю. Былой шарм медленно пропал. Но избы, колонки с водой, амбары и вековые деревья никуда не делись. Еще можно было найти тихую улочку, не тронутую современностью.

Конечно, все это было лишь в ощущениях Максима. Так, это был обычный городок, каких сотни. Все, с кем он выходил на станции с нетерпением ждали открытия кассы, а затем прибытия автобуса. Редкие отчаянные головы будили таксистов, стоящих неподалеку. Недовольные, похмельные мужики, которых жены, очевидно, выгоняли с утра пораньше на заработки, ломали непомерные цены.

Вариант ехать в деревню на «Субарике», Земцов даже не рассматривал. Он не боялся поломки, японский конь был надежен, но вот не лежала, душа к путешествиям на машине. И превращать поездку в головную боль не хотелось. Гораздо приятнее наблюдать из окна купе, проносащиеся за ним пейзажи.

Максим шел по тротуару и даже не обращал внимания на

дождь, погруженный в мысли. Однако вскоре его отвлекли громкие голоса, вскрики и гомон. Сосредоточившись на действительности, он увидел скопление людей на проезжей части метрах в пятидесяти. Поблескивая маячками, но без sireны, к ним приближалась полицейская машина. Предчувствуя недоброе и, движимый профессиональным интересом, Максим ускорил шаг. Он подошел, когда стражи порядка уже громогласно требовали очистить место пришествия. Какая-то бабка, вцепившись в рукав одного мертвой хваткой, быстро частила:

– Что ж это делается, товарищ милиционер? Средь бела дня. Шел себе человек, вдруг головой дернул и упал. Я сзади шла как раз. Смотрю, выскакивает машины детина и начинает обшаривать его. Я думала, врач, помочь хочет, а он по карманам рыться начал. Я говорю, что ж ты делаешь, ирод, человеку плохо. А он как зыркнет на меня, потом опять в машину прыг и уехал. Так и не успел ничего украсть. С пустыми руками в машину залез...

– Разберемся, гражданка, – пожилой «полисмен» тщетно пытался освободить руку.

– Да знаю я, как вы разберетесь.

– Какая машина была, номер запомнили?

– Да откуда ж я знаю, какая машина. Черная, иномарка. Номер был грязью заляпан.

– Понятно. Кто-нибудь еще слышал выстрел? – Громко спросил мент у толпы.

– Да не было выстрела. Говорю же – дернул головой и упал, – не сдавалась бабка.

Толпа понемногу расходилась, и вскоре Максим с изумлением увидел, из-за чего она собралась. Точнее, из-за кого. На асфальте, раскинув руки, лежал недавний посетитель кафе. Голова его была повернута, и Земцов не увидел лица. На виске отчетливо виднелось входное отверстие. Возле головы, смешиваясь с дождем, расплывалось кровавое пятно. Плащ был широко распахнут, и дождь уже успел намочить всю одежду.

Земцову что-то показалось странным, хотя куда уж еще странностей за вечер. Он огляделся. Метрах в двухстах ярко горела буква «М». На близстоящих домах камер видеонаблюдения не было. «Похоже, ребята поймали глухаря», – подумал Максим. Он снова посмотрел на несчастного. Что-то было не так...

Максим, погруженный в невеселые мысли, уже подходил к дому, когда его сзади похлопали по плечу. Обернувшись, он увидел дядю Гришу, своего участкового. Тот стоял, улыбался, наверно где-то вмазал.

– Чего невеселый такой? – Осведомился дядя Гриша.

– Да так, мысли, – уклончиво ответил Земцов. Говорить об убийстве у метро не стал. Дядя Гриша снова врубит до-тошного мента, и отвязаться получится с большим трудом. А что ты там делал? А что видел и слышал? А кто жертва?

А знал ли ты жертву? А с чего решил, что убийство? А кто тебя на место происшествия пустил? И так далее.

Вообще участковый был неплохой мужик и работу свою знал. К Максиму он сразу проникся уважением, как к военному, тем более «чеченцу». Случалось, вместе посидеть за бутылкой. Дядя Гриша, не парясь о тайнах следствия, травил свои милицейские байки, не опасаясь, что Земцов станет их описывать. Но тот и не собирался. Хоть и его тема. Под градусом дядя Гриша становился подозрительным, разговор переходил в полушутливый допрос и начиналось всеобщее разоблачение всех вокруг в связях с криминалом.

Когда началась канитель с переименованием в полицию, дядя Гриша громко заявил:

– Все, пишу на увольнение! Даже аттестацию сдавать не буду. Уйду на пенсию ментом. И так уже, почти тридцать лет ярмо это тяну! Все, хватит!

Однако, после этого сдал зачет на «отлично», и теперь носил гордое звание «полицейского». Правда, ни к нему, ни к новой форме привыкать не хотел, и сильно обижался, когда Земцов за его пьяные загоны, называл его полицаем.

– Ну, мыслитель, с тебя анекдот, – участковый знал кучу разнообразных анекдотов и баек и был всегда рад пополнить свою коллекцию. Максиму было сейчас не до них, но обижать дядю Гришу не хотелось, и он выдал первое, что пришло на ум:

– Сидит семья за столом, ужинает. Вдруг теща начинает

кашлять, подавилась. Ну, постучали ей по спине, отдышалась. «Не в то горло», – говорит, – попало». А зять ей раз – ложкой по лбу: «Ты еще и в два горла жрешь!»

Дядя Гриша тихо и с хрипотцой засмеялся, потом как-то резко сник, и хмуро и с тоской посмотрел на Земцова.

– Тут недавно случай был. Не помню, в каком районе. Теща зятя траванула. Причем непонятно, за что. Подсыпала ему чего-то. Представляешь, жена возвращается домой, а муж уже остывший в комнате лежит на полу, а мать, как ни в чем ни бывало, посуду на кухне моет. Говорит, борщ ему мой не понравился. Ага, хорошо она зятя задобрила. Сколько с ней ребята ни говорили, так ничего и не добились. Несет какую-то чушь про обиды и испорченную жизнь дочери. Угу, всего полгода женаты были. Сейчас в психушке какой-то отдыхает. И ведь, по слухам, неплохая семья была, дружная. Вот ты скажи мне, журналист, бывает такое, что люди в одну минуту с ума сходят?

Максим пожал плечами. Он подумал, каково было бедной жене в одночасье потерять мужа и сдать мать в дурдом. Мда, врагу не пожелаешь. Он хотел что-то спросить, но участковый перебил.

– И ведь сейчас по всему городу такая херня твориться, – сказал он, доставая из внутреннего кармана старый металлический портсигар. – Будто девяностые вернулись. Тогда тоже, сколько психов по городу шастало, ужас. А ты говоришь...

Дядя Гриша закурил, и не глядя на Земцова и не прощаясь, побрел дальше по своим делам. Он настолько погрузился в свои невеселые думы, что не заметил замершего и задумчивого взгляда Максима. Он уже скрылся за поворотом, а журналист все стоял, пытаясь поймать ускользающую мысль. Что в этом коротком разговоре заставило его вспомнить об инциденте у метро? Какая-то маленькая деталь не давала ему покоя всю дорогу домой. И сейчас в этой встрече промелькнуло то, что усилило тревогу.

Земцов нахмурился, посмотрел вслед участковому, и внезапно его осенило, а затем прошибло холодным потом. Даже не додумав мысль до конца, он снова бросился к метро. Нужно было срочно вернуться в то кафе, конечно если он не опоздает. Про машину он даже не подумал. На машине по Москве можно ехать, только когда реально никуда не торопишься. В другом случае лучше пользоваться метрополитеном. Сейчас же на счету могла быть каждая минута.

Глава 4

Земцов быстрым шагом вышел из метро на улицу и посмотрел вдаль. Ничего, конечно, не разглядел, далеко. Но, кажется, ничего не случилось. Люди ходили по проспекту как обычно, разве что их стало меньше. Максим сбежал со ступенек и трусцой припустил в сторону кафе. На ходу он пытался привести свои мысли в порядок.

Что, собственно его насторожило? Может он просто себе все придумал? Жест дяди Гриши, когда он полез во внутренний карман за сигаретами, был один в один похож на жест странного посетителя, когда он доставал бумажник, чтобы расплатиться. Огромный, потертый, даже на вид внушительный и старый, он тогда привлек внимание Максима. Но тогда он не успел подумать, зачем человеку, носящему барсетку такой кирпич. Ведь это портмоне займет почти все ее место. Да и носил его он в пиджаке. Но самое главное – барсетка. Земцов вспомнил положение трупа. Он лежал на спине, широко раскинув руки, и расстегнутый плащ тоже был широко распахнут. Но, ни на одном плече сумочки не было.

Бабка-свидетельница говорила, что обыскивающий тело человек убрался с пустыми руками. Куда тогда подевалась барсетка? Максим изо всех сил напрягал память, стараясь вспомнить, была ли она на мужчине, когда он выходил второй раз из уборной.

Он не слышал, чтобы террористы прятали свои бомбы в барсетках. Хотя, если в нее запихнули кило гексогена с детонатором, мало не покажется ни посетителям кафе, ни жильцам над ним. О том, похож ли этот странный мужик на террориста, Земцов не думал. Избитая фраза, что терроризм не имеет национальности, была проверена на горьком опыте. Да и внешность людей, как известно, обманчива.

Мысль позвонить в полицию пришла только в поезде метро, когда пропала уже всякая мобильная связь. А сейчас казалось, стоит только остановиться и достать телефон, как впереди громыхнет и разлетится вдребезги уже показавшаяся вдалеке витрина. Глупо, конечно, но Максим упорно бежал вперед, не представляя, как заставит себя зайти в кафе. Лезть в возможный эпицентр взрыва самостоятельно было не по науке, и не по уму. Но он все бежал и бежал.

Место происшествия уже было свободно. Полиция сработала быстро и слаженно. Тело увезли, а меловой след смыло дождем. Умеют же работать, когда мокнуть не хотят.

В радиус возможного поражения он вбежал, стараясь не остановиться, иначе дальше сдвинуться с места было бы сложнее. В само кафе зашел уже шагом, тяжело дыша от долгого бега и вытирая ладонью мокрое лицо. Вниманием его никто не удостоил, даже бармен. Нервы были натянуты, но Земцов вдруг понял, что его чеченская чуйка не бьет тревогу. Ей он привык доверять, поэтому пока не стал поднимать шум и выгонять всех посетителей на улицу. Он глубоко

вдохнул и направился к туалету. Ни бармен, ни официантки и ухом не повели. Надо запомнить, подумал он, что сюда просто по нужде заходить можно, ничего не покупая.

Зайдя в уборную, он заперся и осмотрелся. Небольшое помещение, одна кабинка, писсуар на стене, раковина с зеркалом. На ремонт денег не пожалели, чисто, ничем не пахнет. Хоть ревизоров с канала «Пятница» приглашай. А куда можно спрятать сумочку? Да практически некуда. Заглянул в корзину – ничего. В кабинке тоже ничего не оказалось. Крышка сливного бачка не открывалась, а щели между ним и стеной почти не было. Больше мест, которые можно использовать, как тайник, Максим не заметил. Неужели он что-то упустил. Куда незнакомец мог ее деть. Потерял на улице, выбросил? А может, украли. Ладно, тут делать уже нечего, пора валить.

Земцов подошел к раковине, сполоснул лицо и посмотрел в зеркало. Внезапно он уловил какое-то несоответствие у себя за спиной и, обернувшись, посмотрел на потолок – обычный подвесной. Подойдя ближе к выходу, он посмотрел наверх. Одна из гипсовых плиток неплотно лежала на перекладине. Такое чувство, что ее недавно поднимали. Потолок был не высокий, и Максим осторожно приподнял ее. Плитка легко ушла вверх, открывая небольшое пространство сантиметров в двадцать. Земцов пошарил рукой по соседним плиткам, и почти сразу она легла на какой-то предмет из мягкого материала. Он оказался не тяжелым, и Максим аккурат-

но достал его на свет. Так и есть, небольшая сумочка из кожно-замы. Судя по весу, бомбы там нет.

Земцов успокоился. Хотя и странное место было бы для закладки. Да и зачем заряжать такую маленькую сумку. В нее ведь и взрывчатка немного влезет, а про поражающий элемент и говорить нечего. Несolidно как-то.

Он ощупал барсетку. Внутри лежало что-то плоское и еще какая-то мелочь. Немного подумав, он все же решился ее открыть. Внутри оказался футляр с двумя дисками и маленькая флешка. Он внимательно осмотрел их. Никаких надписей или пометок. Ну, ясно. Сложив вещи обратно, он сунул барсетку под куртку и покинул помещение.

И опять никто из работников кафе не обратил на него внимания. Жалобную книгу, что ли потребовать, чтоб заметили? Народу в кафе прибавилось, официантки сновали между столиков, бармен беседовал с каким-то датским посетителем.

Максим вышел на улицу и, отойдя немного, достал барсетку, чтобы повесить через плечо. И в этот момент на него из-за угла остановки налетел какой-то дедок. Столкнувшись, он, казалось, проснулся от мыслей, и виновато посмотрев на Земцова, начал бормотать извинения.

– Ничего страшного, – улыбнулся ему Максим, и, проводив мужичка взглядом, проверил карманы. В кино в такие моменты, обычно, герой лишается ценных вещей. Или наоборот – приобретает новое отверстие в организме. Не природного происхождения. Но нет, все имущество оказалось

на месте.

Мужичок был чем-то сильно озабочен и, казалось, тут же забыл про Земцова. Однако Максим увидел, как он целенаправленно дошел и скрылся за дверями того самого кафе.

Глава 5

Алексей Арнольдович Кревенко, по прозвищу Капитан, сидел за столом на маленькой кухне конспиративной квартиры и нетерпеливо поглядывал на часы. Он ожидал своих сотрудников, которые должны были появиться здесь уже час назад, и сильно злился. Собственно, Капитан – было его не прозвищем, а званием, с которым он уволился из конторы много лет назад. Хотя, можно сказать, что просто сменил хозяина, ушел из государственной организации в частную. И остался, по сути, тем же цепным псом. Этим он занимался всю жизнь и ничего другого попросту не умел. Пройдя путь в семнадцать лет и дослужившись всего лишь до капитана, Алексей Арнольдович не питал иллюзий по поводу патриотизма, долга, чести мундира и тому подобной ерунды.

Служба государству не была легкой, тем более на смене эпох, периода развала империи, хаоса, наступившего позднее, под крики о счастливом будущем и обещаний построить идеальное общество с лучшим уровнем жизни. Много чего пришлось повидать, попробовать, почувствовать на своей шкуре. Афганистан, Ангола, Таджикистан, Чечня, Косово. Все тяготы и лишения, мать их, кровь, грязь, смерть, предательство, боль, страх...

А ради чего все? Ради страны? Какой страны? Страна, которой он когда-то присягал рухнула так давно, что каза-

лось, это было в прошлой жизни. И Капитан со временем понял, что служить надо только самому себе. Только он сам сможет о себе позаботиться, обеспечить и не дать пропасть. Эта мысль поначалу была из тех, которые отбрасываешь, как недееспособную. Но она все равно возвращается, крепнет, усиливается, и вот, она уже захватывает все сознание и становится смыслом жизни. И Крвенко начал раскручивать свою тему, как ему тогда казалось, беспроегрышную и почти безвредную. Глядя, как остальные проворачивают свои нехитрые махинации и не карабкаются по служебной лестнице, а просто поднимаются на лифте, он был почти уверен, что и у него все выгорит.

А потом был крах. Крах всему, надеждам, мечтам, желаниям, карьере и безбедной жизни. Алексей Арнольдович был хорошим исполнителем, но вот разыграть свою партию так и не смог. Выносить сор из избы контора не стала бы, и пропасть бы капитану Крвенко без вести, однако опекунство над ним взял один новоиспеченный генерал, Юрий Дмитриевич Павлов. Уволиться, правда, все равно пришлось, но страданий по утраченной карьере Капитан не испытывал.

Крвенко поднялся со стула и снова начал мерить шагами квартиру. Ну, где эти два дятла? Когда все дело только начиналось, Павлов озадачил его двумя досье, которые, якобы, собрал сам. Это были парни, предназначенные для самой грязной работы. Не брезгливые, молчаливые и сообра-

зительные в меру, но они всего лишь были разменной монетой в намечавшейся игре. И было просто чудо, что за все три года их не пришлось «списывать», как засветившихся, накосячивших, или зарвавшихся. Завербовать их Капитану труда не составило. Два не обремененных интеллектом индивида, безработных и без каких-либо перспектив в жизни, они легко пошли на контакт. В самую цель акции Капитан их не посвящал, так как был уверен, что они не доживут до нее. Параллельно работе он подбирал новых кандидатов на их роли, но они так и негодились. «Отморозки», как мысленно он прозвал помощников, пока ни разу не засветились и всю работу выполняли вовремя. Да и честно говоря, эксцессов за три года было не много, в основном, технического характера, чем занимались другие люди. С чисто силовой точки зрения было всего четыре случая необходимого вмешательства.

О самой акции Капитану думать совершенно не хотелось. Со слов генерала, после перехода ее в заключительную стадию, не требующую наблюдения, из Москвы нужно будет не просто бежать, а спастись. Алексей Арнольдович только морщился, до того ему надоели эти намеки будущих ужасов. Если надо, он покинет Москву пешком, никем не замеченный и не пойманный. Генерал же с упоением и деланным апломбом причитал о том, что случится вскоре. Как бабка базарная!

Меря шагами комнату в ожидании, он все-таки провалился в воспоминания. Тогда, три года назад, в этой самой

квартире собрались четыре человека. Только они были посвящены в суть дела. Павлов, Кривенко и еще два каких-то мутных хрена. Один из них оказался профессором физики. Алекс Новак, поляк по национальности, но по-русски чесал без акцента. Он отвечал за техническую сторону операции. Его помощник, Аркадий Игнатьев, присутствовал в качестве фотографии, которую генерал с Капитаном внимательно изучили. Вообще, людей, используемых в темную, решено было не знакомить друг с другом. Разве что в крайнем случае.

Техническая сторона вопроса не обсуждалась. Видимо, она была обговорена заранее, более узким кругом лиц. Кривенко было все равно, он бы и не стал вникать не в свою часть дела, тем более в науку. Больше всего его интересовал размер оплаты. Когда речь дошла и до него и была названа цифра, Капитан потерял дар речи. Опомнился он, только когда три пары глаз внимательно уставились на него в ожидании ответа. Денег на свою задумку заказчик явно не жалел.

Второй неизвестный хрен так и не представился. Как потом догадался Кривенко, он был представителем заказчика и наблюдал за процессом со стороны. Это была их единственная встреча, и мужчина не сказал на ней и двух десятков слов. Он отмалчивался, поглядывая на генерала, который объяснял задачу. Это было косвенным доказательством того, что Павлов был одной из ключевых фигур, а не обычным наемником. Капитан это видел, но ничего не говорил. Он до-

верял генералу не сильно, но не выказывал этого, да и подвоха пока не чувствовал. Хотя и понимал, что рассказали ему не все даже из того, что ему надо знать, что людей в операции задействовано больше, и что задачи придется выполнять весьма специфические, даже для выдавшего виды наемника.

Заказчику не нужны были лишние свидетели, это понятно. Но Кривенко имел основания полагать, что его не «разменяют». Такими людьми не принято разбрасываться, без ложной скромности, думал он. Генерал обещал ближе к концу операции обговорить условия получения денег, и разойтись, не создавая друг другу опасных и подозрительных ситуаций. Это было три года назад. Конец всей операции уже был не за горами. Нервы натягивались все сильнее.

В общем и целом, задача у Капитана была не сложная. Какой-то прибор, стоящий в определенном месте, должен получать бесперебойное питание и не быть обнаруженным посторонними лицами. И все! Говорить, что информации мало, Капитан не стал. Он понимал, что никто с ним откровенничать не станет, даже Павлов. Да и сам генерал, по размышлениям Кривенко, не знал всего расклада, хотя и несравнимо больше. Всей информацией, по тем же размышлениям, владели двое. Одним из них был профессор Новак. Другому же ученому, Аркадию Игнатьеву, отводилась роль помощника и ассистента, использовали его втемную.

Вторым всезнающим представитель заказчика. Он, по сути, и давал все указания по работе, следил за новостями,

за окружением и обстановкой, сам же оставался в тени и не отвечивал. По обрывкам информации дошедших до него, Алексей Арнольдович подозревал, что этот человек имеет какой-то вес в высшем свете, хотя фейсом ни по телевизору, ни в печатных изданиях не мелькал. На кого он работает, Капитану было очевидно, да и скорее всего не только ему, а всем. Две аббревиатуры из трех букв, одна – это название страны, вторая – название организации. Кроссворд несложный.

Не сказать, что за три года все было гладко. Но все проблемы решались четко и в срок. «Отморозкам» было запрещено пить и ширяться под страхом смерти. За Игнатьевым следили поляк с генералом. Но тот даже не замечал этого, полностью погруженный в работу, отчеты и расчеты. Первое время Кривенко конечно опасался утечки, но со временем чувство тревоги поутихло. А зря!

Гром грянул сегодня. Во второй половине дня Кривенко позвонил Новак. Дрожащим голосом просил срочно приехать. Почувствовав неладное, вместе с «Отморозками», Капитан добрался до лаборатории, где и узнал, что Игнатьев исчез. Послав бойцов по следу, Алексей остался и допросил ученого на предмет случившегося. Как оказалось, Новак часто оставлял коллегу в лаборатории одного, хоть и ненадолго. Вернувшись сегодня после своих дел, примерно час назад, он обнаружил безлюдную лабораторию и включенный компьютер. На экране была открыта только одна папка.

– Он видел видео.

– То самое? – опешил Капитан.

Ученый подавленно кивнул. Крвенко матерился и орал минут десять. Не взирая на субординацию, отчитал Новака, как школьника. Надо было все же настоять на контроле за всеми, используемыми втемную. Хочешь сделать хорошо – сделай сам!

– Ему три года по барабану было! Какого хрена он сейчас туда нос сунул?! Ай, дурак!

Неудивительно, что Игнатьев сбежал. Он три года думал, что они проводят неутвержденный эксперимент. И тут увидеть такое. Вот ему и сорвало крышу от страха.

– Он мог это скопировать?

– Теоретически мог. Да, у меня пропала барсетка.

– И что? Постой. А его портфель здесь?

– Да, вот лежит.

– Да твою ж ты мать! – выругался Алексей, приказал Новаку сидеть в лаборатории и не высовываться. Сам же поехал к генералу. По данным инструкциям, при непредвиденных ситуациях запрещалось пользоваться мобильными телефонами. Все контакты строго наедине, в проверенных местах. Отчитавшись перед Павловым и заверив, что все под контролем, Капитан приехал на явочную квартиру и стал ожидать Весельчака с Жуком. Их не было очень долго. Крвенко злился на себя, что забрал у них телефоны, чтобы они не нарушили правило. Сейчас он и сам бы рискнул его нарушить,

чтобы узнать, где они и что с беглецом.

Вся операция строилась в строжайшей секретности от всех: силовиков, госбезопасности, разведки, журналистов. В России об акции знало только четыре человека. Мда, теперь уже пять. Ситуация в одночасье стала смертельно опасной. И зависела только от того, как сработают его бойцы. Все осложнялось тем, что на Игнатьеве был всего один жучок – на одежде. Второй же был в портфеле, который остался в лаборатории. Почему он оставил его, неужели догадывался о слежке? Не должен, с виду же обычный ботаник. Невысокий, лысеющий, полный. Новак, кстати не такой. Хоть и за пятьдесят ему, все равно молодится, вон – барсетку на поясе носит. Точнее носил, ха-ха. И одевается как потасканный жиголо. Просвещенный европеец. Ну, Игнатьев, ну дурак. Ведь головой ответишь за такой косяк.

От мыслей его отвлек звук ключа в замочной скважине. Он взглянул на часы и вышел в прихожую, готовясь дать разнос. В квартире не было ничего, ни телевизора, ни интернета, ни даже радио. Даже выпивки и еды не было. Так что он скрашивал ожидание, накручивая себя до нервного срыва. Однако отчитывать их не стал, понимал, что парни импровизировали, и что без связи с начальством им приходилось самим решать, как поступить правильнее.

– Ну! – Поторопил их Кривенко, опустившись в продавленное кресло.

– В общем, когда включили слежение, маяк уже находил-

ся почти вне зоны локации. – Начал рассказывать Жук. В их паре он считался старшим, так как имел более подвешенный язык. – Еле догнали. Он еще через дворы ломанулся, как заяц, зигзагами бегал. На машине особо не разгонишься.

Капитан терпеливо ждал. Он не подгонял, потому что понимал, если парни вернулись – проблема решена. Так или иначе. Поэтому не требовал выкладывать результат сразу. И нужно узнать подробности, не рапорт же им писать.

– Потом маяк остановился, – продолжал Жук. – Мы подъехали к какой-то школе, осмотрелись. Оказалось, мужик в дыру в заборе пролезал, и плащ порвал. Как раз кусок воротника с маяком. Я-то думал, он в школу зашел, а Веселый свою ментовскую дедукцию включил, говорит, кусок лежит снаружи забора, значит, не в школе он.

Весельчак ухмыльнулся. Он и правда полтора года служил постовым в милиции, пока не поперли за взятки и злоупотребление служебным положением. В этом Алексей был с ним солидарен.

– Стали думать, куда мог деться. Димон говорит, поехали к ближайшему метро. Может там где-нибудь перехватим. Доехали до Павелецкой, она ближе всего. Злые уже. Думаем, ну все, ушел, гад. Говорю, поехали к нему домой, может, объявится. Тут Веселый его срисовал. Из кафе вышел и идет куда-то. Мы за ним. Где людей поменьше было, Веселый его прямо на ходу из окна снял. Потом выскочил, обшмонал побыстрому и ноги оттуда.

– Зачем завалили-то? – Сдерживая раздражение, спросил Алексей. – Могли бы просто в машину запихнуть.

– Да достал он! – Влез Весельчак. Что мы, клоуны – за ним носиться.

– Ясно, – вздохнул Капитан. – Что взяли у него?

– Ничего не было. Все карманы обшарил. Мелочь разная. Никаких носителей не было.

– Уверен? Новак говорил, что Игнатьев у него барсетку подрезал.

– Нет, барсетки на нем не было. Точно.

– С машиной что, со стволом? – чисто на автомате спросил Алексей Арнольдович. Он уже мысленно готовил отчет Павлову.

– На пустырь отогнали и подожгли, вольту в колодец, – хмуро отозвался Жук.

Задав еще несколько уточняющих вопросов, Кривенко отпустил отморозков, а сам поехал к генералу. Всю дорогу он снова думал о том, почему во время непредвиденных ситуаций нельзя было пользоваться телефонами. Ведь самое главное в любой операции, это связь. Неужели Павлов не понимает такой очевидной вещи. Если боишься засветить свой телефон, можно пользоваться левым, записанным на другое имя, или вообще купить симку без регистрации.

Алексей хмыкнул. Павлов, обычно, в ответ начинал включать тупого и злобного начальника. Вам что-то не нравится, товарищ подчиненный? Будем прощаться! Вот блин, па-

раноик хренов. Неужели думает, что все телефоны можно прослушать, а все разговоры расшифровать. Одно из двух. Либо генерал чрезмерно труслив, либо знает то, чего не знает Капитан. Это мнение обычно колебалось, но чаще всего склонялось к первому варианту.

С генералом они встретились на набережной. Над водой дул пронизывающий ветер. Крвенко поднял воротник пальто, но это помогло слабо. Павлов, наоборот, казалось, не чувствовал холода. Весь напряженный, как сжатая пружина, он знал сложившуюся ситуацию только в общих чертах и уже готовился услышать самое страшное.

– Рассказывай, не тяни кота!

Алексей кратко рассказал о случившемся. Генерал слушал, не перебивая и, казалось, был погружен в свои мысли, но Капитан знал, что он ловит каждое слово.

– Зачем они его грохнули? – Спросил Павлов, когда Крвенко замолчал. – Неужели не могли просто захватить?

Алексей промолчал, глядя перед собой. Что он мог сказать? Запретили пользоваться связью, а хотите, чтобы два гопника сыграли под Джеймсов Бондов? Хорошо хоть вестерн там не устроили со стрельбой по-македонски. Генерал еще немного помолчал, потом задал, наверное, самый гениальный вопрос.

– Что теперь делать? Он ведь мог передать информацию ментам или еще кому.

Крвенко хотел снова промолчать, но тут увидел, что Пав-

лов всерьез ждет ответа и поразился. Как этот человек смог дослужиться до этого звания. В своем, можно сказать, юном для генерала возрасте, он должен быть гением тактики и стратегии, чтобы стать генералом. Как Наполеон. И уж точно не спрашивать совета у подчиненного. За три года эксперимента самой сложной проблемой оказалась бесперебойная работа установки. Она решилась с помощью двух подключенных резервных аккумуляторов, на тот случай если отрубится электричество. Зачем генерал подписался на это дело, если он так боится трудностей и теряется с их наступлением. Или он думал, что все три года все будет идти без сучка, без задоринки. Удивительная недалёковидность. Подписался-то, понятно, из-за жадности, но вот качеств организатора и лидера у него не оказалось. Павлов помимо трусости был еще и глупым, и хитрым. Прямо сейчас он перехитрил сам себя.

– Во-первых, мы не заем, была ли у него инфля. Допустим, была. Свяжись он с ментами, они бы не оставили его одного на улице. То же самое и с прокуратурой. Они отпадают. Во-вторых, он знает, что вы из ФСБ. Туда бы он побоялся обратиться. И, в-третьих, он выпал из нашего поля зрения не больше, чем на час. Не думаю, что за это время успел бы поднять волну. Если же он ее кому-то передал, товарищ генерал, попробуйте по-тихому разузнать, не прошла ли где-нибудь информация о найденных технических документах. Они ведь не простые, а в полиции Эйнштейны не служат.

Скорее всего, или передадут в контору или будут искать специалистов. Все это – время.

Павлов слушал, не перебивая и изредка кивал, чем все больше удивлял Капитана. Это ведь элементарно, простая логика.

– В конце концов, они просто не успеют ничего сделать. Эксперимент находится на финальной стадии. Через несколько дней все закончится, так или иначе. Уже дня через три-четыре в городе начнется такое, что им будет уже точно не до документов, жмурика на Павелецкой, и не до нас.

По мере рассуждений Алексея, Павлов светлел лицом. Потом принял благосклонный вид, как будто он сам, только что все это объяснял недалекому подчиненному и, распорядившись держать его в курсе дел, отбыл. Кривенко проводил его машину взглядом, выругался и направился к своему «авенсису».

Глава 6

Земцов сидел за столом на кухне и, отхлебывая чай, не сводил взгляда с дисков в футляре с надтреснутой крышкой и флешки, лежащих перед ним. Вся дорога домой была занята какими-то обрывками мыслей, ни на чем не получалось сосредоточиться.

Зато выйдя на своей станции и подходя к эскалатору, он зацепился взглядом за красно-белую ленточку огораживающую небольшое пространство с краю платформы. Возле ленточки скучал одинокий заспанный полисмен, совсем молодой парень. Проходя мимо, Максим окинул взглядом место происшествия. Как-то подозрительно много красных лужиц и мазков, разбросанные газеты, журналы, листовки. Люди ходили мимо, отворачиваясь и ускоряя шаг, пытаясь пройти побыстрее. Странно, но не было привычных толп зевак, сутящихся, галдящих у ограждения и снимающих все на свои смартфоны.

– Слушай лейтенант, что тут случилось? – как можно дружелюбнее спросил Земцов у полицейского, показывая свою журналистскую «ксиву».

Тот посмотрел на удостоверение, перевел взгляд на Максима и продолжил хранить молчание.

– Да не по работе я. Домой иду. Живу тут рядом. Каждый день тут катаюсь. Тебе что, трудно ответить.

– Да что случилось, поножовщина! Наркотка какая-то на мужика напала, он тут газетами торгует. Просто, ни с того ни с сего вынула перо и пырнула. Хорошо, мужик крепкий оказался, смог справиться, отпихнуть ее, но все равно ему досталось. Так она тут такое устроила, начала просто ножом в толпе размахивать, нескольких пописала. Трех вместе с мужиком в больницу отвезли, он много крови потерял. Бл... , что же наркота с людьми делает, ужас!

Лейтенант раздраженно сплюнул. Было видно, что ему до смерти надоело тут стоять, ожидать не пойми, чего. А тут еще журналюги всякие нос суют, куда не просят.

– А с наркоманкой-то что?

– А что с ней будет? Скрутили ее хорошие люди, сейчас уже до околотка доехала, наверно. Все, допрыгалась.

– А чего ты здесь стоишь, если все живые? И почему один? – Земцов обвел взглядом вокруг, но больше представителей власти не разглядел.

– Самый умный, что ли!?! У меня дежурство два часа, как кончилось. Знаешь, сколько сегодня «бытовух» по городу? Только у меня уже десятое происшествие. А как не стоять? А если мужик помрет в больнице, а у нас место убийства не осмотрено, что будет? Слушай, будь другом, принеси чего-нибудь попить, – неожиданно сменил мент гнев на милость. – Отойти не могу, а сколько еще экспертов ждать не представляю.

Пожалев ответственного летеуху, Максим сходил до киос-

ка, купил минералки и пару батончиков. Пожелав стражу порядка удачи, он отправился домой.

Зайдя в квартиру, Максим, не разуваясь, прошел на кухню и выложил на стол все содержимое сумочки. Два диска, флешка, пачка жвачки. Все. Вот уже минут десять он сидел, размышляя, как поступить.

Мужик спрятал барсетку в сортире, вышел на улицу, и его грохнули. Вполне возможно, из-за нее. Так же возможно, что и нет. Почему ее не забрали? Не нашли? Сомнительно. Ведь нашел же ее один пронырливый и не в меру сообразительный журналюга. А те ухари наврядли глупее его, догадались бы. Что тогда? Не знали, где искать? Почему? Его наверняка вели. Или нет? Завалили его как-то топорно, в людном месте, засветились. Отморозки? Да пусть даже дауны. Если бы знали, что он был в кафе, догадались бы там поискать. Выходит, не знали. Земцов туда спустя час вернулся, они бы успели и людей расспросить и пропажу найти. Делается вывод, Максима не видели и где барсетка не знают. Или им плевать на нее? Странно.

Что может быть на дисках и флешке? Что бы ни было, это стоило человеку жизни. Может обратиться в полицию? А если там ничего нет? Тогда у стражей порядка могут возникнуть вопросы к самому Максиму. Да, они возникнут в любом случае. Как бы не оказаться крайним. Передать анонимно? Детский сад. Никто и разбираться не будет.

В любом случае, нужно посмотреть, что на носителях.

Максим уже принял решение, но медлил. Он понял, что, когда ознакомится с содержимым, пути назад не будет. Не в его это характере. А стоит ли совать голову в дело, из-за которого одну голову уже прострелили. Неохота. Но, наверно, придется. Ведь все сложилось так, что именно ему в руки попали эти вещи. Может, это и не спроста.

Зайдя в комнату, Земцов включил комп, предварительно отключив интернет – кабель. Если на носителях какой-либо вредный новый вирус, лучше бы он не попал в сеть.

Первый диск оказался чистым. Вот это новость. Будет весело, если диски пустые, а на флешке сборник блантыка. Достав второй диск из футляра, Максим обнаружил под ним сложенный вдвое зеленый стикер. Развернул его и увидел, что тот полностью исписан какими-то формулами. В точных науках Земцов был не силен и не понял даже, физические или математические это формулы. Единственное, что он понял, что одна из величин измеряется в Герцах.

Антивирус тщательно проверил второй диск и выдал утешающий результат о безопасности объекта. На нем оказалась документация. Открывая файлы по очереди, Земцов понял, что речь о каком-то устройстве, вроде локатора или спутниковой антенны. Какая-нибудь новейшая разработка, которую не поделили с конкурентами. Отсюда и труп. В принципе ясно. А что на флешке?

Антивирус так же не нашел угроз и Максим открыл новое окно. Здесь уже оказались папки с видеофайлами. Папок бы-

ло четыре и назывались они лаконично в одно слово. Мыши, собаки, обезьяна, ... человек.

Вдоль позвоночника пробежал неприятный озноб. Что-то в этой последовательности было жуткое. Да, понятно, что. Сомнительно, что в папках собраны прикольные видео из интернета на заданную тематику. Собрав всю решимость в кулак, Максим открыл папку «человек». В ней оказались еще две папки. «Вариант 1» и «Вариант 2». В первой папке оказалось четыре файла. Названия – цифры от одного до четырех. Выдохнув, Земцов открыл первый файл.

Небольшое квадратное помещение без окон, серые стены, низкий потолок, лампочка на шнуре. На бетонном полу небольшой потертый коврик, в углу надувной матрас с солдатским одеялом, тумбочка с телевизором, раковина, унитаз. Такое ощущение, обжитый подвальный отсек. Камера висит в одном углу, но охватывает все небольшое пространство.

В комнате один человек, сидит на матрасе, грызет семечки и смотрит что-то по телевизору. Мужчина, лет тридцати, худой, с длинными волосами, собранными в хвост на затылке. По виду, еще не опустившийся, но уже на пути к этому. Судя по таймеру, видео идет всего пару минут.

Голос за кадром стал для Земцова неожиданностью.

– Сегодня двадцать пятое мая. Объект находится под воздействием первого варианта уже сутки. Не проявляет никаких признаков раздражительности или паники. Его леген-

да – все это оплачиваемый научный эксперимент длительно-стью несколько дней. Планируется продержатъ его под воздействием еще три дня, после чего завершить данную стадию.

Видео закончилось. На протяжении всего объяснения были слышны посторонние звуки, какая-то возня, один раз слышался отчетливый быдловатый смешок.

Следующие два видео тоже не могли похвастаться каким-то действием. Все тот же парень на том же матрасе с тем же телевизором. Менялся только его рацион. Семечки сменили сначала пиво с чипсами, затем лапша быстрого приготовления. Шли они тоже по паре минут, и никак не комментировались.

На четвертом видео человек уже порядком утомленный постоянным сидением в подвале и неправильным питанием, просто сидит залипает в телевизор хмурым и сонным взглядом. От неприятного ожидания чего-то страшного, у Максима внутри похолодело. В видео присутствовал комментарий.

– Сегодня заключительный день первой стадии. Объект проявляет легкое беспокойство от вынужденного заточения и никак не реагирует на воздействие. С завтрашнего дня вступает вторая стадия.

Земцову вдруг стало невыносимо жаль незадачливого подопытного, решившего срубить денег по лёгкому. Он уже понял, что впереди того не ждет ничего хорошего. Зашел в папку «Вариант 2». В ней было всего два видео. Максим глу-

боко вздохнул. Что бы на них ни было, оно уже свершилось, и изменить что-либо он не в силах.

– Сейчас происходит настройка на второй вариант воздействия, – известил комментатор. Для наглядности решено произвести запуск во время сна испытуемого.

Спустя полминуты комментатор назвал дату без года и точное время, а затем прозвучала команда «Запускай». Человек на видео, дремавший на своем матрасе через несколько секунд резко открыл глаза и сел. Что-то неуловимо изменилось в его лице. Он огляделся по сторонам, пытаясь определить причину беспокойства, но ничего не найдя, потер лицо ладонями и обхватил голову руками. Так он просидел еще несколько секунд. А потом началось.

У Земцова глаза полезли на лоб от увиденного. Человек вскочил и с диким криком кинулся на стену перед собой. С размаху вписавшись в нее лбом, он отпрянул, повалился на пол, но тут же вскочил снова. Казалось, он и не заметил удара, который наверняка вызвал сотрясение. Парень в одну секунду обезумел. Ухватив за край тумбочку, на которой стоял зомбоящик, он легко выдернул ее и с размаху запустил в полет. Он был не долгим и закончился попаданием в унитаз, который разлетелся, как в американских спецэффектах. А обезумевший уже схватился за телевизор.

Земцов не мог понять, что происходит, а на заднем плане видео слышались редкие комментарии, перекрываемые злорадным гыгыкающим ржачем. Вскоре видео закончилось.

Оно было дольше предыдущих, и мужик на нем уже успел разгромить почти всю комнату.

Максим тут же включил следующее. В комнате не осталось ни одного целого предмета. Камера снимала в ночном режиме, так как лампочка под потолком была разбита, а шнур выдернут из стены. Мужик лежал на спине, и слабо шевелился. Казалось, у него не осталось больше сил двигаться. Он уже не мог кричать, а только выл сорванным голосом. И от этого воя по спине бежали мурашки. Разорванная в клочья одежда, сплошные раны на теле, из которых вместе с жизнью выходили остатки крови. Кровь была повсюду, практически весь пол был залит ею, заляпаны стены и даже потолок.

– С момента подключения ко второму варианту прошло семь с половиной часов, – ожил комментатор. – За это время подопытный проявлял агрессивные действия. Его поведение обуславливается замкнутым пространством. На открытой местности поведение значительно отличается, агрессия целенаправленна и не несет таких потерь для организма. Находясь под воздействием, подопытный двигался, не останавливаясь на передышку, что и привело к полному истощению организма, упадку сил. Отключение воздействия приводит к восстановлению психического равновесия. Но не в данном случае (послышался смешок). Клиент уже не в состоянии что-либо понимать и давать оценку своим действиям. Эксперимент объявляется законченным.

Спустя три секунды видео закончилось. Но за них Максим успел услышать еще два слова, обращенных, видимо, ко второму экспериментатору. «Иди, добей».

По спине прокатилась холодная волна. Что это было? Кадры из нового ужастика? Хотелось бы верить, но не получается. Что за безумный эксперимент? Какой институт такими занимается? Теперь ясно, почему этот мужик из кафе так боялся. Он наверно хотел это обнародовать. Но, видимо, не учел всех факторов. Вряд ли он хотел этой флешкой устроить шантаж. Вымогатели гораздо тщательнее все продумывают. И не прятал бы ее в общественном месте. Да и сам бы не подставился под пулю.

Значит, придать огласке. Зачем тогда прятал? Отнес бы сразу в полицию. Может быть нельзя в полицию. Мда, коррупцию еще не победили. Выходит, он знал, что всю эту лавочку покрывают. Зачем тогда выкрал информацию. Нелогичное поведение. Хотел, как лучше и не подумал о последствиях? Человеческий фактор еще никто не отменял. Слишком мало информации, чтобы делать выводы.

Повинуясь странной догадке, Земцов открыл окно свойств последнего файла. Создан – 15 сентября этого года. Сегодня, точнее уже вчера. Изменен – 28 мая 2012. Он сделал копию! Не выкрал, а скопировал. И сбежал. Поэтому его не сразу стали искать. А найдя, грохнули и, обыскав, ничего не нашли. То есть, они не знают, что инфа утекла. И теперь о ней знает только Земцов. Отлично, теперь и у него все шансы

тоже отбросить копыта где-нибудь в людном месте. И пять баллов за логику. Сколько всяких разных «но» Максим упустил, лучше даже не считать. Но в общем и целом картина кажется именно такой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.